

Возвращаясь к рассказу о нашем путешествии. Во Флоренции некий молодой дворянин, состоявший при Аббате (при нем было четверо, остальные использовались по мере надобности), вздумал заказать себе куртку из тафты, с неподрубленными лептами. Как-то на прогулке Великая герцогиня-мать и м-ль де Гиз, проходя мимо него, едва не померли со смеху при виде этой сумасбродной затеи, ибо сей молодой человек стоял у дверцы кареты и, казалось, был покрыт паутиною, столько у него было ниток на рукавах и на груди.

Великая герцогиня была одною из самых красивых женщин Италии, но судьба связала ее с весьма жалким мужем: он носил пять-шесть шапочек одну поверх другой, снимая и надевая их в зависимости от того, что показывал термометр. Когда он спал с женою, все Тосканское герцогство молвило, это случалось не часто. Мне думается, что наконец она родила ему наследника.

В Венеции, куда мы затем отправились, французский посол (им был президент Малье, поистине вычужная лошадь)⁸ приютил Аббата, причем только его одного, с лаксем. В Венецию удалялся граф де Ланаль, брат с-на де Ла-Тремуйя. Утверждают, будто, говоря об Аббате, он сказал: «Он не преминет меня посетить». Аббат не подумал к нему навеститься и говорил о нем крайне неуважительно. Он утверждал, что, когда Граф отправился в Ларошель, ларошельцы написали на его дверях: «Ни холодно ни жарко», — желая этим сказать, что от его присутствия им ни холодно ни жарко.

В Риме Аббат устроился с удобством и держал довольно хороший стол: это ценили, поскольку в сем деле он был большим знатоком, нежели многие кардиналы и прелаты. Он хотел уверить нас, что коннетабль Колонна, с родом которого, по его словам, дом Гонди находится в тесном родстве, весьма сетовал на то, что Аббат не повидался с ним; но, мол, он, Аббат, на это не отважился, так как Коннетабль придерживался Испанской партии, ибо должность коннетабля он получил в Неаполе.

В Риме он был столь же непоседлив, как и в Париже, и в ноябре месяца заставил нас проделать весьма скучное путешествие, дабы взглянуть на копи, где добываются римские квасцы. Мы отправились в путь под проливным дождем, словно речь шла о важном деле, и итальянцы говорили: *Questo é partir alla francese*.⁹ Мы провели в Риме три с половиной месяца, не более, а на Рождестве он уже вытянул нас оттуда, чтобы вернуться во Францию. Он выдумал, будто какой-то человек подошел к нему в церкви и сообщил нечто такое, что побуждает его немедленно покинуть Италию.* Хотя мне было всего восемнадцать лет, я понял, что Аббату стало не хватать денег; по приезде домой он оказался бы в затруднительном положении (его векселя задержались в пути), не отдай мы ему все, что нам причиталось. Одно надобно поставить ему в заслугу: ни в Риме,

* Это было в день рождения Короля.